

УДК 81'374+821.161.1.09

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СЛОВА *АД*
В «СЛОВАРЕ ЯЗЫКА М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА».
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ЗОНЕ КОММЕНТАРИЯ***

В. Н. Ерохин, Я. В. Алексеева, А. А. Дударева

Тверской государственный университет
факультета русского языка

Предметом настоящей статьи является лексикографическое описание слова *ад* в «Словаре языка М. Е. Салтыкова-Щедрина». Определяется лексическое значение слова, его контекстуальные ассоциативные и сочетаемостные связи. Все это создает особую зону комментария, в которой описывается специфика авторского понимания этого важного культурного концепта в общем контексте русской литературы.

Ключевые слова: *русский язык и литература, лексикография, лексика, семантика, поэтика.*

В лексикографической практике наибольшую трудность при создании статьи в словаре языка писателя вызывает зона комментария, в которой необходимо учесть место и роль слова в идиолекте писателя и в структуре конкретного художественного текста. Кроме того, здесь невозможно избежать вопросов, связанных с особенностями мировоззрения писателя, его индивидуальной картиной мира [см. об этом: 2].

В художественном мире М.Е. Салтыкова-Щедрина понятие *ада* традиционно христианское, соответствующее основному значению слова: «Во многих религиях: место, где души умерших “грешников” подвергаются вечным мукам» [14, с. 25]. В энциклопедии «Мифы народов мира»: «...*ад* рисуется как застенок божественной юстиции, в котором царствует *сатана* с бесами (чертями) в роли усердных палачей; как место чувственных пыток, применяемых за различные категории грехов по кодексу...» [1, с. 37]. Центральной фигурой в *аду* является *сатана*. В творчестве Щедрина его олицетворением является Угрюм-Бурчеев.

Сатаной именуют его обыватели города Глупова, при этом издатель не принимает такой характеристики Угрюм-Бурчеева (здесь и далее курсив в примерах наш. – В.Е., Я.А., А.Д.): «...отсюда же далеко не заслуженное название “*сатаны*”, которое народная молва присвоила Угрюм-Бурчееву» [9, с. 398]. Именованию *сатана* связано с понятием мистического зла, действующего и целенаправленного (то есть возникает дополнительный анагогический смысл, по терминологии средневековых схоластов, сверхсмысл, соотносимый с божественным откровением), ср.: «Сатана <...> враг человеческого рода, царь ада и повелитель бесов <...> воля и действия которого есть центр и источник мирового зла» [1, с. 485]), что соответствует позиции глуповцев по отношению к Угрюм-Бурчееву, который внушает им ужас.

* Выполнено в рамках проекта РГНФ 14-04-00528 «Словарь языка М.Е. Салтыкова-Щедрина».

Однако *сатана* – не единственное его наименование в «Истории одного города». В речи издателя он именуется *идиотом*, *прохвостом* и многозначительным *он*. Все эти наименования отнюдь не равнозначны. Следует отметить, что в повествовании они последовательно сменяют друг друга: сначала *сатана*, затем *идиот*, потом *прохвост* и, наконец, *он*.

В дискурсе издателя Угрюм-Бурчеев именуется *идиотом* со следующей характеристикой: «*Перед глазами зрителя восстает чистейший тип идиота, принявшего какое-то мрачное решение и давшего себе клятву привести его в исполнение. Идиоты вообще очень опасны, и даже не потому, что они непременно злы (в идиоте злость или доброта – совершенно безразличные качества), а потому, что они чужды всяким соображениям и всегда идут напролом*» [9, с. 399–400]. В данном случае слово *идиот* употреблено едва ли не в прямом значении (то есть человек, страдающий врожденным слабоумием) и не развивает дополнительных смыслов, как *сатана*. Напротив, смысл наименования *идиот* максимально очищен от каких-либо ассоциаций. Он не зол и не добр, он – никакой. Его нельзя даже назвать безумным, поскольку он вне ума, вне всякой мысли. *Идиот* – это автомат, действующий по заранее заданной программе. *Бессознательность*, соединенная с властью, делает его неостановимым: «*Там, где простой идиот расшибает себе голову или наскაკивает на рожон, идиот властный раздробляет пополам всевозможные рожны и совершает свои, так сказать, бессознательные злодеяния вполне беспрепятственно*» [9, с. 400]. Еще более просто, механистично и страшно именование Угрюм-Бурчеева выделенным местоимением *он*.

Человек в данном случае превращается в голую функцию, определяемую его положением в какой-либо структуре (в данном случае – в административной иерархии государства [подробнее см.: 6]).

Христианская проблематика *ада* продолжена в сказке «Христова ночь»: «*Вы чистыми сердцами беззаветно уверовали в меня, потому только, что проповедь моя заключает в себе правду, без которой вселенная представляет собой местилице погубления и ад крошечный*» [13, с. 208]. Очень важно в данном контексте определение *ада* как *крошечного*. В евангельской традиции «*ад* описывается не извне (как зрелище), но изнутри (как боль); упоминание об *аде* в притчах Иисуса Христа рефреном замыкаются словами: “там будет плач и скрежет зубов” <...>. *ад* определяется как “мука вечная”, “тьма внешняя” (по церковно-славянски – “тьма крошечная”)» [1, с. 37].

У Щедрина эта идея еще более радикализована: без божественной правды адом становится вся вселенная. Отметим также, что в этой сказке всех простивший Иисус не прощает предателя: «*Я всем указал путь к спасению, – продолжал воскресший, – но для тебя, предатель, он закрыт навсегда. Ты проклят богом и людьми, проклят на веки веков*» [13, с. 210]. Это, в свою очередь, соответствует дантовскому представлению об *аде*, где в центре вселенной «вмерзший в льдину Люцифер, верховный дьявол, терзает в своих трех пастьях главных грешников (“предателей величества земного и небесного”)» [1, с. 39].

В творчестве Щедрина олицетворением образа предателя выступает Порфирий Владимирович Головлев, не случайно прозванный братом Иудушкой. Впрочем, маминька не раз в сердцах называет его сатаной: «*Сколько раз, в бывалое время, арина Петровна крикивала за это на него: да ешь же, прости господи, сатана! – да, видно, он позабыл маменькины наставления*» [12, с. 90]. Иудушка очень интересно рассуждает о бессмертии души, воспроизводя католическое (дантовское) представление о загробном мире: «*а вот католики, – продолжает Иудушка, пере-*

ставая есть, – так те, хотя бессмертия души и не отвергают, но, взамен того, говорят, будто бы душа не прямо в ад или в рай попадает, а на некоторое время... в среднее какое-то место поступает» [12, с. 89].

Еще один яркий пример особой интерпретации ада и сатаны находим в «Благонамеренных речах»: «давно собирался я, братия, побеседовать с вами об отце лжи, но доселе не представлялось удобного к тому случая. Ныне же случай сей, несомненно, представился, ибо между нами появился один из ревностнейших аггелов его. Не думайте, однако, чтоб он имел вид унылый и душепагубный, свойственный дьяволу, обретающемуся в первобытном состоянии <...> Он носит вид обыкновенного человека, с тем лишь отличием, что во внутренностях его сокрыт ад. Или прямее: это не человек, но человекоад. Человек по наружному виду, но ад по виду внутреннему. Воистину человекоад, ибо ни о чем другом не мыслит, ничего другого не делает, как только сеет плевелы» [11, с. 194].

По сравнению со сказкой «Христова ночь» ад с его неизменными атрибутами: сатаной (отцом лжи) и бесами (падшими ангелами или аггелами в церковно-славянской орфографии) – локализован внутри человека, для чего даже создан окказионализм *человекоад* (об окказиональных образованиях Щедрина подробнее см.: [4]).

Замечательно, что это проповедь, сочиненная генералом против Анпетова, который говорил, что «теперь вот рабов нет»; а также: «Землю пашет! – прогремел генерал, вдруг вытянувшись во весь рост, – сам! сам! сам с сохой по полю ходит! Это – дворянин-с!» [11, с. 193].

Еще одно понимание ада представлено в «Господах Ташкентцах»:

– а ну-те, кто из вас здесь дубиной прозывается? Вставай, дуб младый, сказывай, что есть ад?

Хмылов вставал и без затинки отчеканивал:

– Карцер есть слово греческое, и означает место темное, преисполненное клопами, у дверей коего дремлет сторож Мазилка!

– Так, младый дуб, так. Спасибо, хоть сам себе резолюцию прочитал...

Иди ж, душа, во ад и буди вечно пленна... сиречь, изволь идти в карцер... [10, с. 125]

В этом контексте ад трансформируется в карцер. Однако все основные атрибуты ада сохраняются. Темнота соответствует буквальному значению слова ад в древнегреческом языке: Αἴδης < *η-uid- – «невидимый». Сторож Мазилка сопоставим с Хароном. Даже форма *преисполненное* соотносимо с *преисподней*.

Странным образом такое представление об аде у Щедрина коррелирует с представлением о вечности у Свидригайлова в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского (темное ограниченное пространство с насекомыми): «Нам вот всё представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится» [5, с. 221].

В текстах Щедрина широко употребляется и переносное значение слова ад: «Обстановка, условия, пребывание в которых мучительно, невыносимо. || *обычно какой* или *где*. О нравственных страданиях, душевных муках, испытываемых кем-л.» [14, с. 25].

Интереснейший материал представлен в статье «Журнальный ад» цикла «Журнальная полемика». Определение этого ада дано в первой строке: «Журнальный ад – самый незлобивый и приятный. В нем горят неугасимые огни, которые никогда никого не опалили; в нем бегают из угла в угол комолые и бесхвостые черти,

которые никогда никого не уязвили; в нем раздается родительская брань, которая не задевает ни родителей, ни потомков...» [8, с. 497].

ад в этом тексте – безобидный, дрянной, жалкий, забавный, картонный, литературный, незлобивый, приятный. Излишне говорить, что в «Русском ассоциативном словаре» ни одной подобной реакции на стимул *ад* нет. Наиболее частотные реакции там следующие: рай (32), кромешный (14), а также огонь, черти, Данте, дьявол, зло, костер, мучение, смерть, ужас (2) [7, с. 34].

В этом *аду* также есть свой *сатана*, только весьма своеобразный: «В довершение всего роль сатаны неожиданно присвоил себе известный попрошайка, Макар алексеич деушкин, тот самый деушкин, который из гоголевской “Шинели” сумел-таки выкроить себе, по малой мере, сотню дырявых фуфаек» [8, с. 497].

Бесхвостые черти, жалкий сатана, ассоциативное поле *ада* в этом тексте создают совершенно особенную картину: «Зритель смотрит на картонные турниры, в которых принимают участие картонные рыцари, вооруженные картонными мечами, – смотрит и недоумевает. «О чем они? К чему они?» [8, с. 498]. Все это удивительным образом напоминает картину «Балаганчика» А.А. Блока [3, с. 60–61]:

Вот открыт балаганчик
Для веселых и славных детей,
Смотрят девочка и мальчик
На дам, королей и чертей.
И звучит эта адская музыка,
Завывает унылый смычок.
Страшный черт ухватил карапузика,
И стекает клюквенный сок.
<...>
Вдруг паяц перегнулся за рампу
И кричит: «Помогите!
Истекаю я клюквенным соком!
Забинтован тряпицей!
На голове моей – картонный шлем!
А в руке – деревянный меч!»

Сближают тексты и образы детей: «Игрушечный мастер Бакинский должен непременно воспользоваться подобным положением и устроить на продажу картонный литературный *ад*; с своей стороны, благонамеренные родители обязываются нарасхват раскупить эти игрушки, дабы показать детям своим, что самый *ад* может быть дрянным, незлобивым и безобидным» [8, с. 498].

Анализ употребления слова *ад* в текстах Щедрина (в данном случае рассмотрены не все, но основные случаи употребления) позволяет определить его лексическое значение, а также на базе его контекстуальных ассоциативных и сочетаемостных связей описать специфику авторского понимания этого важного культурного концепта в общем контексте русской литературы.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Сатана // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М. : Сов. энциклопедия, 1991. С. 485–486.
2. Алексеева Я.В., Ерохин В.Н. Теоретические основы создания «Словаря языка М.Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. Вып. 3. С. 154–159.
3. Блок А.А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М. : Правда, 1971. 350 с.

4. Гладилина И.В., Усовик Е.Г. Индивидуальные образования как один из слотов авторского слова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. Вып. 3. С. 175–184.
5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 6. Л. : Наука, 1973. 424 с.
6. Ерохин В.Н. Об одном аспекте концепта «государство» в художественном мире М.Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2012. Вып. 4. С. 54–60.
7. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. М. : Астрель : АСТ, 2002. 784 с.
8. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. : в 20 т. Т. 6. М. : Худож. лит., 1970. 473 с.
9. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. : в 20 т. Т. 8. Помпадурсы и помпадурши 1863–1874. История одного города 1869–1870. М. : Худож. лит., 1970. 434 с.
10. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. : в 20 т. Т. 10. М. : Худож. лит., 1974. 513 с.
11. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. : в 20 т. Т. 11. М. : Худож. лит., 1974. 526 с.
12. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. : в 20 т. Т. 13. М. : Худож. лит., 1974. 522 с.
13. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. : в 20 т. Т. 16 (1). Сказки. М. : Худож. лит., 1974. 526 с.
14. Словарь русского языка : в 4 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. Т. 1. М. : Русский язык, 1986. 736 с.

**LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF THE WORD “HELL” IN THE
“DICTIONARY OF THE LANGUAGE OF M. E. SALTYKOV-
SCHEDRIN”. PRELIMINARY COMMENTS TO THE REVIEW**

V. N. Erokhin, Ya. V. Alekseeva, A. A. Dudareva

Tver State University
the department of Russian language

The subject of this article is the lexicographical description of the word “hell” in the “Dictionary of the language of M. E. Saltykov-Schedrin”. Authors determined the lexical meaning of the word, its contextual associative senses. All this creates a special area of review, which describes the specifics of the author’s understanding of this important cultural concept in the General context of Russian literature.

Key words: *Russian language and literature, lexicography, lexicon, semantics, poetics.*

Об авторах:

ЕРОХИН Вячеслав Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: erovyach@mail.ru.

АЛЕКСЕЕВА Яна Викторовна – аспирантка кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: iana.alieksieieva.1993@mail.ru.

ДУДАРЕВА Алла Адамовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: alladamova@mail.ru.